

ДАВЫДОВА Мария Александровна – младший научный сотрудник отдела глобальных проблем Института научной информации по общественным наукам РАН (117418, Россия, г. Москва, Нахимовский пр-кт, 51/21); ассистент кафедры политологии Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-кт, 49; madavydova@fa.ru)

КРАВЧУК Иван Дмитриевич – младший научный сотрудник отдела глобальных проблем Института научной информации по общественным наукам РАН (117418, Россия, г. Москва, Нахимовский пр-кт, 51/21); лаборант-исследователь Центра политических исследований Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-кт, 49; idkravchuk@fa.ru)

ДИСКУРСЫ И ТЕХНОЛОГИИ ВНЕШНЕГО ДЕСТРУКТИВНОГО ИНФОРМАЦИОННО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В РЕГИОНАЛЬНЫХ СЕГМЕНТАХ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА (на примере приграничных с Украиной регионов России)

Аннотация. В статье представлены результаты исследования базовых дискурсов и технологий внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия в региональных сегментах российских социальных медиа. Эмпирическим объектом исследования выступили релевантные информационные материалы, размещенные в сегментах приграничных с Украиной регионов России. Авторы выделяют основные содержательные и технологические характеристики информационного потока, определяют риски распространения такого контента среди массовой интернет-аудитории.

Ключевые слова: внешнее деструктивное информационно-психологическое воздействие, внешнее информационное давление, регионы-мишени, приграничные регионы, информационное противоборство, цифровые коммуникации, информационные потоки, социальные медиа.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации при поддержке Экспертного института социальных исследований.

Введение. По мере углубления и расширения информационного противоборства существенно увеличивается число и вариативность своего рода мишеней подобного воздействия, исходящего от иностранных государств, лидеров и центров общественного мнения, связанных с ними медиаресурсов. Указанные цифровые акторы, как правило, обладают разветвленными цифровыми инфраструктурами, технологиями управления информационными потоками в социальных медиа, методами и инструментами манипулирования сознанием пользователей. Наиболее выраженное внешнее воздействие в информационно-коммуникационном пространстве оказывается на отдельные территории и представляющие их массовые интернет-аудитории.

Развитие концепции информационной войны указывает на постоянное усложнение технологий и инструментов ее ведения. Указывается, что в западной практике информационных операций каждая последующая операция

является повторением предыдущей с добавлением одного или нескольких новых приемов, модернизирующих прежнюю схему и делающих ее еще более опасной для противника [Пичугин, Годунова 2021]. Развитие информационных операций происходит в линейном режиме, переходит от наиболее простых практик к более сложным, наполненным когнитивно нагруженными схемами, более функциональными и тонкими для общественного восприятия формами «упаковки» и «отправки» соответствующих информационных материалов. При этом важнейшими критериями информационно-психологического воздействия является их продолжительный, системный и управляемый характер, что обеспечивает эффективность воздействия на политическое сознание, принятие конкретных политических решений и достижение поставленных результатов [Бродовская, Домбровская 2020].

Современные исследователи убеждены, что на протяжении всей российской истории прослеживались наступление на российские ценности, суверенную внутреннюю и внешнюю политику государства, попытки навязать определенные политические мифы, опорочить достижения или победы, принизить или извратить роль исторических личностей и подорвать авторитет государственных институтов. Рассматривая исторические аналогии с крупнейшими для нашей страны военно-политическими вызовами (Отечественная война, Первая мировая война, Великая Отечественная война), российские ученые приходят к выводу, что активизация информационной войны против России всегда сопровождалась усилением ее позиций на международной арене, обретением истинного суверенитета [Марченко, Чимаров, Игошин 2021]. В настоящее время подобные действия набирают оборот с учетом взрывного роста информационных технологий, обеспечивающих геополитическим противникам прямой доступ к сознанию российских граждан [Шатилов 2022].

По результатам серии мониторингов, проведенных отечественными политологами в 2022–2023 гг., ключевыми регионами – мишенями внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия в российском сегменте социальных медиа выступили непосредственно приграничные с Украиной субъекты (Белгородская, Курская, Брянская обл.), а также освобожденные в ходе СВО регионы, непосредственно приближенные к зоне активных боевых действий (Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Херсонская и Запорожская обл.) [Лукушин 2023]. Указанные регионы столкнулись с усложнением внутренней обстановки, включающим рост социальной напряженности, ухудшение экономической ситуации, а новые регионы находятся в процессе динамичной интеграции в политическое и социокультурное пространство современной России, что выступает основным триггером для информационно-коммуникативной деятельности внешних акторов по дестабилизации ситуации в российском приграничье [Бродовская, Азаров 2023].

Рассмотренные риски информационной деятельности внешних акторов в регионах-мишенях ставят политической науке новые задачи, требуют выработки современных методик и инструментария идентификации информационных потоков внешнего давления, а также способов их оперативной нейтрализации и дальнейшего предупреждения.

Методы и материалы. Для определения базовых дискурсов и технологий воздействия на пользователей социальных медиа приграничных регионов в информационных потоках внешнего деструктивного воздействия реализовано когнитивное картирование релевантного цифрового контента. Формирование выборочной совокупности документов осуществлялось в несколько этапов.

На первом этапе были выявлены региональные сообщества и иные аккаунты, репрезентирующие информационный поток деструктивного информационно-психологического воздействия на пользователей социальных медиа приграничных с Украиной регионов Российской Федерации в релевантных региональных сегментах социальных медиа (Брянская, Курская, Белгородская, Херсонская, Запорожская обл., Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика). На втором этапе обоснования выборки документов был определен общий интервал анализа: 01.01.2023 – 31.12.2023 (12 месяцев). Далее внутри отобранных групп и в пределах глубины анализа производился целевой отбор публикаций. Формирование базы данных реализовано с использованием авторской матрицы когнитивного картирования. Совокупный объем проанализированных материалов составил 600 публикаций. Для обработки собранной базы данных применяется пакет статистической обработки данных *IBM SPSS Statistics* с использованием осевого, кросс-табуляционного и корреляционного видов анализа.

Результаты. Более трети публикаций (37,2%) в исследуемом информационном потоке представлены материалами новостного характера, информирующими пользователей социальных медиа – жителей приграничных субъектов об актуальных общественно-политических событиях, преимущественно военного и политического характера. Обращает на себя внимание тот факт, что большинство тематических публикаций основаны на мнениях частных лиц (51,0%). В первую очередь представляют позиции иностранных экспертов, политиков, журналистов и других публичных персон. Таким образом, информационное воздействие выстраивается по принципу наибольшей персонификации, преподносится аудитории в форме внешней экспертизы, трансляции конкретных оценочных суждений, которые в совокупности выстраивают в общественном сознании целостную картину происходящих событий. Значительно в меньшей степени представлены форматы, основанные не на отдельных суждениях и оценках, а на фактическом материале (мнения частных лиц, включая местных жителей, опросы, исследования, статистика, официальные документы и заявления – в совокупности около 10%).

Следует также отметить, что в 89,1% проанализированных материалов используется вербально-образный тип информационно-психологического воздействия, который предполагает формирование у адресатов сообщений психоэмоциональной реакции на конкретные высказывания, образы и символы. С учетом высокого уровня персонификации публикаций в большинстве случаев речь идет именно о высказываниях, суждениях конкретных лиц. Об этом также свидетельствует доминирование явного типа передачи смысла внешнего информационно-психологического воздействия (86,2%) над латентным, или скрытым (13,6%). Основной массив материалов имеет прямой характер воздействия, поскольку обращен к массовой аудитории, предполагает возникновение быстрого отклика на основе максимально понятных и доступных широкому кругу пользователей материалов. Кроме того, в большинстве материалов используются иррациональные приемы воздействия (66,6%), явно преобладающие над рациональными (33,4%), что также указывает на направленность материалов на формирование у аудитории определенных эмоций, чувств, самоощущения.

Объектами внешнего информационно-психологического воздействия в большинстве материалов являются военные события: ситуация на линии фронта, общая военная обстановка в зоне проведения специальной военной операции, ход боевых действий (см. рис. 1). Подобные материалы в основном

акцентируют внимание на военных неудачах российской армии, информируют о боевых потерях, обращены как к самим военнослужащим, так и к их родственникам, близкому окружению. В данных материалах критика военных действий часто носит завуалированный характер, а на первый план выносятся проблемы, затруднения на фронтах, что направлено на формирование у пользователей социальных медиа чувства страха и незащищенности. В ряде информационных материалов присутствует «шок-контент», сопровождающийся наиболее жестоким визуальным сопровождением для усиления эффекта психологической нагрузки. При этом многочисленные материалы такого рода в значительном числе случаев являются недостоверными или сфальсифицированными.

Рисунок 1. Объекты внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия на жителей приграничных регионов в исследуемом информационном потоке, %

Примечательно, что некоторые деструктивные материалы содержат публикации с личными данными жителей новых регионов (паспортные данные, фотографии семей, номера телефонов, ссылки на социальные сети). Тактика устрашения приводит к неоднозначным результатам: угрозы влияют на психоэмоциональное состояние жителей освобожденных территорий, но это подталкивает их к еще большей интеграции в российское социокультурное пространство, ведь Россия в таком случае воспринимается как единственный возможный гарант безопасности их жизни.

По результатам обработки собранного массива данных зафиксирована линейная зависимость между степенью завуалированности сообщения и типом передачи смысла. Сильная завуалированность материала в исследуемом информационном потоке предполагает использование *латентного типа* передачи смысла сообщения (коэффициент корреляции — 0,548). При этом данная зависимость реализуется по конкретным тематикам сообщений, где объектами информационно-психологического воздействия выступают преимущественно социально-экономические проблемы местных жителей. Для остальных объектов воздействия характерно использование прямой стилистики и *явного типа* передачи смысла материала (см. рис. 2).

Рисунок 2. Используемый тип передачи смысла сообщений в зависимости от выбранного объекта внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия

Выделенные в ходе анализа технологии достижения цели сообщения включают в себя пропаганду, манипуляцию и подталкивание. Результаты обработки данных также показывают определенную взаимосвязь указанных технологий со степенью завуалированности контента (коэффициент корреляции – 0,439).

Использование *пропаганды* в качестве технологии достижения цели подразумевает прямое, явное воздействие на аудиторию путем распространения оценок, суждений и фактов, как правило, в агрессивной форме, привлекающей массовое внимание и влекущее за собой навязывание установок, образов и поведенческих паттернов (29,8% в общем объеме сообщений). В наибольшей степени пропагандистские технологии представлены в материалах, где объектом воздействия выступают военно-политические процессы (см. рис. 3).

Манипулятивные технологии обладают средним уровнем завуалированности, являются более тонкими с точки зрения влияния на общественное сознание, направлены на достижение тех же самых целей, но не осознаются аудиторией. Манипулятивные технологии используются в 50,8% материалов, что позволяет говорить о техничности информационного потока, его администрируемости и программируемости для решения политических задач.

Наиболее завуалированными являются материалы с использованием *технологии подталкивания*, которые предусматривают влияние на принятие пользователем определенного решения после получения информации. Подобные публикации реже представлены в общем объеме информационного потока (19,4%), но сосредоточены на приоритетных смысловых направлениях, таких как формирование образа будущего и картины мира человека.

Заключение. Таким образом, по результатам проведенного эмпирического исследования можно сделать следующие выводы.

Во-первых, основной массив сообщений в информационном потоке представлен новостным и экспертно-аналитическим контентом. Информационное воздействие выстраивается по принципу наибольшей персонификации, преподносится аудитории в форме внешней экспертизы, трансляции конкретных

Рисунок 3. Используемые технологии достижения цели сообщений в зависимости от выбранного объекта внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия

оценочных суждений, которые в совокупности выстраивают в общественном сознании целостную картину происходящих событий.

Во-вторых, в публикациях преобладает вербально-образный тип информационно-психологического воздействия иррационального типа, который предполагает формирование у адресатов сообщений возникновения психоэмоциональной реакции на конкретные высказывания, образы и символы.

В-третьих, в ряде информационных материалов присутствует «шок-контент», сопровождающийся наиболее жестоким визуальным сопровождением для усиления эффекта психологической нагрузки. При этом многочисленные материалы такого рода в значительном числе случаев являются недостоверными или сфальсифицированными.

В-четвертых, ключевыми объектами внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия являются военные события: ситуация на линии фронта, общая военная обстановка в зоне проведения специальной военной операции, ход боевых действий. В данных материалах критика действий военных действий часто носит завуалированный характер, а на первый план выносятся проблемы, затруднения на фронтах, направленные на формирование у пользователей социальных медиа чувства страха и незащищенности.

В-пятых, существует линейная зависимость между степенью завуалированности сообщения и типом передачи смысла. Сильная завуалированность материала в исследуемом информационном потоке предполагает использование

латентного типа передачи смысла сообщения и зависит от используемого объекта такого воздействия.

В-шестых, в информационном потоке зафиксировано использование трех базовых технологий достижения цели информационно-психологического воздействия – пропаганды, манипуляции и подталкивания. Результаты обработки данных также показывают определенную взаимосвязь указанных технологий со степенью завуалированности контента: наиболее явным здесь являются пропагандистские материалы, манипулятивный и подталкивающий контент – скрытым, не распознаваемым массовой аудиторией. Значительные риски состоят в высокой представленности такого типа материалов.

Список литературы

Бродовская Е.В., Азаров А.А. 2023. Мультиагентное имитационное моделирование процессов социокультурной интеграции жителей ЛНР и ДНР. – *Власть*. Т. 31. № 6. С. 49-53.

Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю. 2020. Социальная база информационного потока внешнего давления в новых медиа Крыма и Севастополя. – *Власть*. № 4. С. 84-92.

Лукушин В.А. 2023. Внешнее информационное давление на российскую молодежь как инструмент глобального противоборства. – *Общественные науки и современность*. № 3. С. 68-82.

Марченко Г.В., Чимаров С.Ю., Игошин Н.А. 2021. Нарративы информационных войн: история и современность. – *Управленческое консультирование*. № 4. С. 131-145.

Пичугин В.Г., Годунова Л.А. 2021. Концепция информационной войны будущего. – *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. № 3. С. 3-15.

Шатилов А.Б. 2022. Информационное и PR-сопровождение специальной военной операции России на Украине: основные тренды и уроки первого этапа. – *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. Т. 12. № 4. С. 71-76.

DAVYDOVA Maria Aleksandrovna, Junior Researcher at the Department of Global Problems, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (51/21 Nakhimovsky Ave, Moscow, Russia, 117418); Assistant of the Chair of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, Moscow, Russia, 125993; madavydova@fa.ru)

KRAVCHUK Ivan Dmitrievich, Junior Researcher at the Department of Global Problems, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (51/21 Nakhimovsky Ave, Moscow, Russia, 117418); Research Assistant at the Center for Political Studies, Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, Moscow, Russia, 125993; idkravchuk@fa.ru)

DISCOURSES AND TECHNOLOGIES OF EXTERNAL DESTRUCTIVE INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL IMPACT IN REGIONAL SEGMENTS OF SOCIAL MEDIA (on the example of Russian regions bordering on Ukraine)

Abstract. The article presents the results of a study of basic discourses and technologies of external destructive information and psychological influence in regional segments of Russian social media. The empirical object of the study is relevant

information materials posted in segments of Russian regions bordering on Ukraine. The authors highlight the main content and technological characteristics of the information flow, and determine the risks of distributing such content among the mass Internet audience.

Keywords: external destructive information and psychological influence, external information pressure, target regions, border regions, information warfare, digital communications, information flows, social media

The article is prepared based on the results of research carried out within the framework of a state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation with the support of the Expert Institute for Social Research.

СУРГУЛАДЗЕ Вахтанг Шотович — кандидат философских наук, ведущий эксперт Аналитической группы «С.Т.К.», докторант департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-кт, 49/2; bafing@mail.ru).

НОВЫЕ КАТЕГОРИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ БОРЬБЫ: MIS-, DIS-, MALINFORMATION И ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОДЕЛИ ИНФОРМАЦИОННОГО БЕСПОРЯДКА MDM

Аннотация. В статье рассматривается принятая на вооружение экспертами и государственными органами западных стран для обоснования преследования за обнародование достоверной информации и выявления состава преступления при вынесении обвинительных решений модель информационного беспорядка MDM (misinformation, disinformation, malinformation). Приводятся примеры использования категории malinformation при задержании неугодных представителей средств массовой информации и социальных медиа, а также примеры внедрения этого понятия в официальные издания и документы международных организаций и органов правопорядка, проводимого при содействии англосаксонского ядра группы государств коллективного Запада. Делается вывод об опасности широкого распространения модели информационного беспорядка MDM для свободы слова и права граждан на достоверную информацию.

Ключевые слова: информационная политика, информационное противоборство, идеологическая борьба, «острая» сила, «мягкая» сила, малинформация, информационное воздействие на общественное сознание, информационный порядок, информационный беспорядок, модель информационного беспорядка MDM

Рост международной напряженности и интенсификация информационного противоборства, вызванные тектоническими сдвигами глобального баланса власти, приводят к появлению новых концептуальных подходов и категорий осмысления информационного воздействия на общественное сознание. В значительной степени указанные процессы связаны с очевидным угасанием глобального доминирования государств коллективного Запада, перед кото-